

**АЛЕКСАНДРА
ВАРЁНОВА**

ПОИСК

ПОКА ЧАСЫ ДВЕНАДЦАТЬ БЬЮТ

Александра Варёнова

**Поиск. Пока часы
двенадцать бьют**

«Автор»

2026

Варёнова А.

Поиск. Пока часы двенадцать бьют / А. Варёнова — «Автор»,
2026

На носу Новый год, а из Центра творчества исчезает восьмилетняя девочка. Расследовать дело берётся капитан полиции Избушкина Ядвига Олеговна. По ходу поисков она сталкивается не только с внешними препятствиями, но и с внутренними демонами: непростые отношения со свекровью, профессиональное выгорание и личные страхи. А время неумолимо идёт, и каждый час может стать решающим в судьбе маленькой Маши.

© Варёнова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Двенадцать часов до Нового года	5
Одиннадцать часов до Нового года	9
Десять часов до Нового года	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александра Варёнова

Поиск. Пока часы двенадцать бьют

Двенадцать часов до Нового года

Нарезая ровными кубиками картошку, морковку и яйца, я мечтала похожим образом расправиться с собственной свекровью. Эта чудесная во многих отношениях женщина, умеющая вязать всё — от беретов до портфелей, — имела один маленький, но существенный недостаток: всегда сваливалась как снег на голову в самый неподходящий момент! И ведь буквально неделю назад спрашивала: «Лидия Степановна, как вы планируете справлять Новый год?» На что меня заверили: «Какой праздновать, невестка, выпью игристого да спать лягу». Уже тогда меня терзали сомнения, поскольку Лидия Степановна, несмотря на почтенный возраст, приближающийся к восьмому десятку, женщиной была активной, шумной. Бегала на лыжах шустрее меня, организовывала концерты и курировала пару детских Центров творчества. Педагог однажды — педагог навсегда, и я приложила немало усилий, чтобы она не лезла в воспитание и образование дражайших внуков.

В запаре годовых отчётов не стала выпытывать, с чего вдруг такое чинное празднование. Даже гиперактивным людям хочется порой тишины и покоя. Накануне праздника свекровь явно успела набегаться по различным мероприятиям. Мне же хватало своих забот-хлопот. Процент висяков оказался выше, чем в прошлый год, пара вещдоков затерялась, так что Крутогоров рвал и метал. Пришлось срочно пытаться коллег, выискивая артистичных, и ставить мини-сценку из микса кавээновских шуток и русских народных сказок. Начальник от такого ошалел, но подобрел. Дал добро тридцать первого отдохнуть.

Только какой отдых, когда разрываешься между приведением квартиры в божеский вид и приготовлением салатов на стол. А ровно в тот момент, когда металась между кипящими яйцами и убегающей с доски свеклой, свекровь «обрадовала» вестью о визите. Вот что за человек? Знает же, кем я работаю и что побыть с мужем в новогоднюю ночь для меня сродни чуду. Так нет же, даже после двадцати пяти лет брака я всё ещё оставалась недостойной её Лёшеньки. К счастью, как внуки выросли и упорхнули из родного гнезда, докучать каждые выходные она перестала. Зато завела дурную привычку подгадывать момент и портить наше супружеское единение!

Так, злясь и костеря свекровь почём лес стоит, успела и селёдку под шубой собрать, и для оливье всё нарезать, и даже овощи с фруктами фигурно настругать. А Лидия Степановна как сквозь землю провалилась. С одной стороны, это меня радовало, но, с другой — вызывало беспокойство. Знато подморозило, мело к тому же, вдруг свекровь упала и ногу сломала? Или вовсе сознание потеряла? Был и ещё один возможный сценарий: накануне праздника на улице хватало неадекватной братии, а у Лидии Степановны язык без костей, замечание запросто могла сделать, устыдить. Большинство особей чуяли педагога со стажем и покорно утихали. Но совсем наклюкавшиеся берегов не знали, могли и напасть на беззащитную старушку!

— Тебе твоя мама не звонила? — обратилась я к мужу, сбегая от богатого воображения.

— Нет, а что? — Лёша протирает фужеры от пыли. Рядом посверкивали пара салатниц и ваза для фруктов. К готовке он особого таланта не имел, зато всегда помогал по хозяйству.

— С учётом времени на сборы и на дорогу, с поправкой на болтовню с подружкой и пробки... С полчаса как ей следовало вышагивать по кухне и раздавать мне указания, что и как резать, в какой последовательности и каким ножом.

— Ёжка, не преувеличивай.

— Клянусь, что говорю правду и только правду. — Пафосно прислоняю кулак к груди и фыркаю. — Но если серьёзно, то я даже волнуюсь.

— Может, в магазин зашла? — робко предположил Лёша и провёл по косматой бороде, породившей домашнее прозвище. — Или знакомую встретила...

— Или отправилась докучать президенту с дельными предложениями о системе образования! — Подняла палец вверх, с содроганием вспоминая все лекции свекрови по этому поводу.

— Она может. — Лёша покачал головой, и тут пронзительный звонок эхом отразился от стен. — Ну слава Богу!

— Ага, вспомнишь солнце, вот и лучик... — пробурчала цензурную версию поговорки и кивнула мужу, чтобы бежал открывать. Я ковылять буду долго и нудно. Пока то, пока сё, поздравления, поцелуйчики, успею немного выдохнуть.

Мои мечты оказались напрасны. Свекровь ворвалась на кухню, словно выжившая после шторма: шуба распахнута, шапка скособошена, глаза расширены, а пальцы сжимают сумку.

— Невестка, выручай.

Начало разговора мне уже совершенно не нравилось...

Через пять минут свекровь, уже без шубы и шапки и с вымытыми руками, сидела в гостиной. На столе стояли кружки с чаем и мои салаты: если уж и вести беседу, то в приятной обстановке. На кухне трам-тарарам, а тут Лёша успел прибраться, пыль протереть, ёлочку нарядную поставить, опять же. Ещё бы огоньки зажечь, и можно хоть на немного погрузиться в праздник. Впрочем, благостная тишина продлилась недолго. Отправив в рот по ложке салата и отхлебнув чая, Лидия Степановна заговорила. Голос у неё был глубокий, с хорошей дикцией, негромкий, но привлекающий внимание:

— У нас в центре Новый год справляли, хоровод, Дед Мороз — всё как положено. Только после праздника одной девочки не досчитались. И дома её нет, и куда девалась — непонятно.

— Так, и я тут при чём?

— Ты ещё спрашиваешь, невестка?! — Брови свекрови взметнулись вверх. — Это же ребёнок! Маленькая девочка! Её срочно нужно искать и спасать.

— Вы хотите сказать, поиски ещё не начались? — Внутренне напряглась, предполагая, что ничем хорошим это дело не пахнет.

— Начались, конечно. С собаками brave ребята приехали, всё осмотрели в центре, опросили кого смогли. Да толку...

— А камеры?

— Пфф, инеем покрылись. Мороз-то какой ударил!

— Сколько лет девочке? Как выглядит? Характер? — Лишь выпалив, поняла, что на автомате включила профессионала.

Свекровь отозвалась без запинки, как по заученному:

— Восемь лет, тёмненькая, голубоглазая. Девочка спокойная, послушная, но если чем увлечена — не дозовешься.

Брюнетка с голубыми глазами, значит... Необычная внешность, редкая. Так ещё и запросто могла пойти с любым взрослым, если бы тот позвал или попросил о помощи.

— Девочка из обеспеченной семьи?

— В том-то и дело, что нет. Её бабушка с дедушкой воспитывают. Мать алкоголичка, с отцом тоже мутная история. Он то ли бил, то ли из дома выгнал... Тиран, в общем. — Лидия Степановна, похоже, хотела сказать «абыззер», да забыла слово. — На отца в первую очередь и подумали, вроде как они со скандалом с женой разошлись, и та с дочерью видется запрещала. Но он на смене был, под камерами работал. В этом, как бишь его, пункте выдачи.

— И у дедули с бабулей хватало средств оплачивать занятия в Центре творчества?

— Ну ты даёшь, невестка! Память как у рыбки. Большинство занятий в центре бесплатные, а платные вполне по карману московским пенсионерам.

Я поджала губы. Сама виновата, что не уточнила, о каком центре речь: один был бюджетным, другой элитным, его чуть ли не дети звёзд и чиновников посещали, и казалось логичным, что переполох возник именно там. А оно вон как.

— Так, ладно, вернёмся к началу разговора. От меня-то вы что хотите? Подключить связи, подкинуть идей...

— О нет, невестка, эти лишние телодвижения ни к чему. — Свекровь снова отпила чай, оттопырив мизинчик, однако не успела я спокойно выдохнуть, как меня огорошили. — Я хочу, чтобы ты лично занялась поисками. Такое происшествие — урон репутации центра. К тому же праздновать Новый год вне дома, в отрыве от семьи для маленькой девочки недопустимо.

— Что?! — Я чуть не поперхнулась кусочком селёдки. — Вы в своём уме? Это не моя юрисдикция, девочку уже ищут, да и год выдался сложным. Я люблю свою работу, но не готова быть бессмертным пони и пахать сутками напролёт.

— Невестка! — Лидия Степановна даже побагровела и пристукнула кулаком по столу. Хрустальные вазочки мелко задрожали. — У тебя что, совсем нет сердца? И прошу выбирать выражения при разговоре со мной.

— Лидия Степановна, — вздохнула, изо всех сил надеясь не сорваться следом за обожаемой свекровью, — я правда устала под конец года, и ночной патруль в мои планы никак не входит. Могу посодействовать и призвать группу Солнцевой вам в помощь. Они хорошие ищейки, быстро на след выйдут, вот увидите.

— У тебя и правда нет сердца. — Свекровь поджала губы, задрала подбородок и, нарочно оттоптав мне ноги, выбралась из-за стола. — Что ж, наслаждайтесь праздником!

— Мама, куда же вы? — наконец подал голос Лёша, всё это время сидевший ниже травы, тише воды.

— В центр, искать Машеньку! — Впервые прозвучало имя пропавшей девочки, и оно идеально легло на тот образ, что успел сложиться у меня в голове. — Раз уж твоя жена отказывается помогать, придётся мне рыскать по снегу в надежде найти оброненную хлебную крошку!

Лидии Степановне стоило играть в театре. Столько патетики, столько драмы! Ещё скупой слезы не хватало, чтобы расчувствоваться окончательно. Хотя я глубоко сомневалась, что она лично обыскивала центр и перерывала вещи девочки, скорее грамотно руководила процессом и разводила бурную деятельность.

Лёша тоже выскочил из-за стола, принялся то ли успокаивать свою мать, то ли уговаривать остаться: из коридора голоса слышались приглушенно, не разобрать. В подобии транса доела салат, что наложила себе на тарелку, и захрустела художественно закрученным огурцом. Хотелось прикрыть глаза и стереть из памяти этот вечер, этот разговор. Я так устала, что даже не проверила, что написали мне мои дети, не позвонила подругам, не поздравила коллег из смежных отделов. Да что там, даже фото у ёлочки не сделала!

За окном с громким хлопаньем взорвались первые петарды, донеслись улюлюканья и смех. Народ гуляет, веселится. А у меня на душе словно помелом всё выскребли. Такая странная опустошенность... На глаза вдруг попала карточка, белеющая на стуле. Неужто свекровь расщедрилась на открытку? Бездумно протянула руку, чтобы взять, рассмотрела изображение и вздрогнула: сквозь снег прямо на меня шла девочка с блестящими чёрными волосами, в простеньком сером пальто и струящемся бирюзовом платье. Она смотрела дружелюбно, с интересом и робко улыбалась. Почему-то я сразу поняла, что это та самая Машенька — пропавшая в неизвестном направлении из Центра творчества девочка, и почувствовала, что не могу её вот так оставить одну.

— Лидия Степановна, погодите! — крикнула во всю силу лёгких и бодро, чуть не вприпрыжку, поковыляла к двери.

В прихожей уже никого не было, и сердце пропустило удар. Неужели... По привычке следака кинулась к следующей точке и обнаружила у лифтов и мужа, и свекровь. В такие моменты стоило поблагодарить систему грузоподъема, которая часто бесила из-за долгого ожидания, зато сейчас, возможно, спасла одну жизнь. Честь и совесть так точно.

— О, невестка, всё же явилась, — едко прокомментировала Лидия Степановна, вызывая зубовой скрежет. — Я уже вызвала такси до центра. Едемте.

Как же раздражал этот покровительственный тон! Однако поехала, куда деваться, сама же вызвалась. Только метнулась за пальто, шапкой с варежками и, конечно же, тростью. Набалдашник в виде совы хоть немного примирял с ситуацией. В конце концов, не только средство для передвижения, но и предмет самообороны.

Одиннадцать часов до Нового года

Центр творчества оказался старым советским зданием, приземистым, серым и грубым. Местные маляры постарались скрасить это впечатление рисунками на стенах, только вот кожа ребятишек отдавала зеленцой, будто те отравились, а у зверушек вокруг глаз темнели круги. Может, конечно, такой эффект возникал из-за освещения, но выглядело, прямо сказать, жутковато. Готовая декорация для хоррор-фильма.

Рядом с крыльцом тарахтел и вибрировал уазик. Водитель слушал «Хит-парад» и громко хохотал, болтая по телефону. Ох уж эта полицейская братия...

За входной дверью находилась небольшая прихожка и перегораживающие путь турникеты. Слева притулилась будка охранника, который больше смотрел в маленький телевизор, чем на экраны с камер видеонаблюдений. Он даже на деликатный стук не среагировал, пришлось прокашляться. И это ещё свекровь вперёд не выступила... Охранник, когда увидел удостоверение, подскочил, честь отдал, надо же. Но пользы от него, разумеется, не было никакой. Пропустил — и то хлеб.

Наверх вели крутые, ужасно неудобные лестницы с высокими ступенями. Пока найдёшь баланс тростью, пока рывком поднимешь себя... Эх, где моя молодость, где моя непростреленная ступня! Каждый шаг вызывал искры перед глазами. Даже захотелось найти заглазник с обезболом. А Лидия Степановна добивала:

— Да-да, невестка, актовый зал на втором этаже. Вам же нужно осмотреть место преступления.

Честно сказать, я не знала, а нужно ли, раз аж с собаками всё обыскивали. Но слишком устала, чтобы препираться. «Бравыми ребятами» оказались два зелёных юнца, которые топтались у перил, периодически успокаивая скулящих овчарок и косясь то в окно, то в смартфоны. По мне они скучающе мазнули взглядом, пока не представилась:

— Капитан Ядвига Олеговна. Доложить обстановку.

— Есть доложить обстановку!

Ах, какие приятные для слуха слова! Завести себе, что ли, стажёра...

— Прибыли по вызову в одиннадцать тридцать, капитан. Пропала Маша Трубачёва, семь лет. Собаки брали след по сменной обуви и носовому платку, но след обрывается у центрального крыльца. При этом в раздевалке пальто и сапоги девочки не обнаружены.

— Свидетели? — уточнила на всякий, уже подозревая ответ.

— Отсутствуют. Педагоги и родители воспитанников не заметили ничего подозрительного.

Заметишь тут... Когда одновременно следишь, чтобы твоё чадо не навернулось с подарком, отвечаешь на поздравления, диктуешь мужу, что купить, и прикидываешь, как адаптировать рецепт мексиканских тамале под российские реалии.

— Вольно. Раз в центре свидетелей нет, побегайте-ка по округе. Опросите собачников, мамочек с колясками, жителей близлежащих домов, кого угодно. Буду ждать от вас информации.

— Так точно, капитан Ядвига Олеговна!

Я махнула рукой, чтобы пошевеливались, и ребята бросились наутёк, словно наскипидаренные.

Наверху, в актовом зале, оказалось четверо взрослых: женщина в чёрном бархатном платье, полноватый мужчина с фотоаппаратом на груди и пожилая пара — дедушка и бабушка

Маши. Все они встрепенулись при моём появлении, словно вышли из сонного оцепенения, и посмотрели с надеждой.

Только хотела поздороваться и представиться, как свекровь опередила:

— Это моя невестка, следовательно Ядвига Олеговна Избушкина. Она поможет найти девочку.

Вот зачем вмешиваться, приплетать родственные связи и обещать то, что лично я не могу гарантировать? Лишь профессиональная выправка помогла сохранить лицо.

В ответ раздались возгласы, оханья и причитания. Спустя минуту я не выдержала шумового порога, прищкнула и расспросила каждого о его роли в этом деле. Пожилая пара — Ирина и Николай Трубачёвы — и правда являлись опекунами Маши. Её мать лишили родительских прав два года назад из-за чрезмерного пристрастия к алкоголю. Возобновить общение с дочерью она не стремилась и в её жизни никак не участвовала. Екатерина Аркадьевна исполняла обязанности директора и несла прямую ответственность за исчезновение девочки во время праздника. А Сергей фотографировал детей, так что на фото могло попасть что-то интересное. С этого я и решила начать. От других толку было мало: бабушка с дедушкой на празднике не присутствовали, поскольку помещение небольшое и едва вмещало всех воспитанников. А у директора и без того хватало забот-хлопот, чтобы следить за одной конкретной девочкой, ничем не выделяющейся среди других.

На выносных картах память закончилась, и конкретно этот праздник хранился только на внутренней памяти фотоаппарата, поэтому долго искать не пришлось. Ноутбук или хотя бы планшет не помещали бы, но дорогая свекровь посчитала излишним нормально ввести меня в курс дела и предупредить о свидетелях.

Довольно быстро я нашла на кадрах Машу — всё в том же бирюзовом струящемся платье и с венцом, увенчанным восьмиконечной звездой, на голове.

— Видите ли, — директор поправила очки, и я с удивлением обнаружила, что одна из дужек сломана, — у нас Творческий центр с православным уклоном, поэтому куда важнее Рождество, а не Новый год. Но на каникулы многие уезжают, поэтому организовать праздник седьмого января крайне проблематично. Вот и приходится выкручиваться...

— А почему тогда Дед Мороз, а не святой Николай?

— Более привычный образ. — Екатерина пожала плечами, не видя никаких противоречий. — А Машенька у нас исполняла роль рождественской ёлочки. Мы ставили спектакль по мотивам легенды, когда ёлка стала главным символом праздника за скромность и преданность Господу.

В конце она перекрестилась заученным слитным движением, и на собранных в горстку пальцах мелькнули следы чернил. Прямо перед праздником вела занятия? Укладка, бархатное платье, и тут такое...

— Просто чудесно, — прокомментировала, надеясь, что прозвучало без иронии, и углубилась дальше в фотоснимки.

На одном из них внимание привлёк аниматор в костюме медведя из знаменитого мультика. Уж очень выбивался образ из общей картинки, даже с учетом Деда Мороза и Снегурочки: у тех хоть костюмы под старорусский стиль заточены, а тут — современная современность. Медведь стоял у стенки за декоративным лесом, так что не сразу бросался в глаза, но всё-таки не настолько, чтобы быть массово проигнорированным педагогами и — тем более — детьми.

— Кто пригласил аниматора?

— Какого аниматора? — Директор встрепенулась, выпрямилась, а когда я показала ей снимки, выдохнула и махнула рукой. — А, это Ермоша, он аутист. Прекрасно владеет искусством леттеринга, но до истерики боится шумных праздников. Долго не знали, что и как с ним делать: жалко же... А потом придумали фокус с костюмом! В нём Ермоша как бы под защитой и уже не совсем Ермоша... ну, это как в игротерапии.

— Да, понимаю, сама играю в народном театре, — допустила в голос теплоты и не удержалась от вопроса: — Он ваш сын?

Екатерина удивлённо распахнула глаза, так что указала ей на её же пальцы. Женщина усталилась на чернильные следы с блеклой улыбкой и покачала головой.

— Племянник. А вы и правда профессионал, Ядвига Олеговна. Далеко не каждый столь быстро соотнесёт детали.

— Я могу с ним поговорить? Такие дети могут подметить куда больше других.

— Боюсь, это невозможно. — Екатерина стала вдруг протирать очки, и за ресницами мелькнули слёзы. — Ермоша не говорит, и родители уже давно увезли его домой. Мы специально решили не вмешивать в дело воспитанников, сами понимаете, какая цена детских показаний.

Я понимала: дети горазды на выдумку, преувеличение и разговоры на посторонние темы, часто вскрывающие совсем не ту правду, что ищешь. Но с учётом обстоятельств на них была последняя надежда. На снимках воспитанники танцевали, декламировали стихи, Маша как рождественская ёлочка постоянно оказывалась на виду, а в конце спектакля и вовсе в центре хоровода. Только после суеты с подарками как испарилась.

Несколько раз я просматривала кадры, то увеличивая отдельные участки, то, наоборот, уменьшая до общего плана, и наконец нашла тот, где Маша мелькнула последний раз. При этом стояла она рядом с тем самым Ермошой в костюме медведя!

— Маша дружит с вашим племянником? — Указала Екатерине на фото и получила утвердительный кивок.

— Не то чтобы дружит: это сложное и неоднозначное понятие для аутистов. Но как-то вошла в его ближний круг. Даже не знаю, на почве чего — Ермоша, как уже говорила, всё с лентерингом возится, а Маша из полимерной глины лепит. Очень хорошо, стоит сказать, цветы как живые получаются. Разве что в одинаковые дни они в центре оказываются. Ну и Маша единственная, кто не шарахается Ермоши, не принимается сюсюкать с ним или уступать во всём. Спокойно общается, даже вопросы задаёт.

Наверное, Маша, с её семейной ситуацией, чувствовала себя такой же далёкой от мира, как и Ермоша. Заблудившиеся в реальности, они нашли опору друг в друге...

— Екатерина, как хотите, а мне необходимо поговорить с вашим племянником. Иначе мы так и не выберемся из чащи.

Директор привычно замотала головой.

— Как уже говорила...

— В противном случае мы будем объезжать и опрашивать остальных воспитанников и, думаю, это понравится вам куда меньше, — разумеется, я блефовала, но знала, что звучу убедительно.

— Меня тогда попросят уйти...

— Это лучше, чем нести на себе груз ответственности за мёртвую девочку. Поймите, я правда хочу, чтобы Маша нашлась как можно скорее. Даже если она просто решила пойти домой сама и заблудилась, ей грозит обморожение. На улице минус тридцать, а у неё только пальто на рыбьем меху. Вы это понимаете? — старалась не кричать, но добавила в тон достаточно металла, чтобы все присутствующие прониклись ситуацией.

Бабушка Маши — сухонькая старушка в пуховом платке — судорожно охнула и принялась креститься дрожащими пальцами.

— Боже Правый! Спаси и сохрани нашу девочку!

— Да, Ирина, Николай, — переключилась на пожилую пару, — у вас есть связь с соседями? Кто-нибудь может проконтролировать и сообщить, вернулась девочка домой или нет?

— Мы в частном секторе живём, — отозвался дед Маши: достаточно высокий мужчина с пронзительными голубыми глазами и разросшимися бровями, свисающими смешными кисточ-

ками с боков. — С соседями особо не знаем, страна развалилась, не то что раньше... Праздник ещё на носу, кто помогать станет? — Он махнул рукой. — Но в доме эта, умная колонка есть. Сын подарил к празднику, сказал, чего мы как из дремучего леса. Машенька с ней быстро разобралась, девка она шустрая, сообразительная. Уже бы связалась с нами, коли в дом попала.

— У неё есть ключи?

— Нет, но у нас запасной ключ припрятан. Не под ковриком и не в горшке, это я настоял! А калитка вовсе на проволоке, только в нужную сторону прокрутить. Маша знает как.

— Хорошо. — На самом деле, хорошего было мало, но не могла же я ещё больше сыпать соль на раны. — Екатерина, так что?

— Ладно, — сдалась директор. — Я позвоню сестре, уточню, можно ли приехать.

— Не уточните, а настоите.

— Хорошо... — Она сокрушенно вздохнула и отошла в сторону, на ходу доставая айфон из брендового кожаного клатча.

Всё-таки странное дело. Если это похищение, то куда более лакомой добычей казался племянник Екатерины Аркадьевны. Тут и требования по центру диктовать можно, и на крупную сумму денег претендовать.

А кому выгодно красть девочку, находящуюся под опекой пенсионеров? Только её родителям. От необходимости получить субсидии до банального шантажа. Или дело вовсе не в деньгах. Просто в алкогольном угаре нахлынула ностальгия по родной кровиночке, так что срочно захотелось вместе отпраздновать Новый год. Вполне правдоподобная версия. Насчет отца я сомневалась: питала ли Маша к нему тёплые чувства? А вот к матери девочка пошла бы без вопросов. У детей часто нет оценки, насколько запущено живут их родители, они всё априори воспринимают правильным и любят безусловно, сколько бы боли им ни приносили...

Конечно, не стоило забывать про чёрный рынок, торговцев органами и рабство. Эту ветку пусть «бравые ребята» отрабатывают штатно, но мне интуиция подсказывает, что рыть надо в другом направлении.

— Ирина, Николай, — я сделала паузу, привлекая внимание и собираясь с мыслями, после чего осторожно продолжила: — у вас же есть контакт с матерью Маши? Вы созваниваетесь время от времени?

— Только с праздниками поздравляем да с днём рождения, всё-таки дочь родная, да простит Господь ей все прегрешения вольные и невольные. — Ирина снова перекрестилась и устремила взгляд к небу.

— Наташа у нас умненькая! Медицинский закончила. Диссертацию писать начала. А связалась с этим... тьфу. — Николай покачал головой. — Ирод проклятый, загнобил нашу девочку. Никуда не пускал, даже с подругами в кафе, всё время следил за ней, выговаривал почём зря. Вот и не выдержала, пить начала. Сначала перед сном, чтоб нервы успокоить, в кофе по утрам, и понеслось...

— Она в официальном разводе? Как давно разошлась с мужем?

— Да они и не были женаты, прости Господи, сколько лет во грехе жили! Зато и прав на Машеньку у Игоря нет. Побуянил, конечно, судом грозился, да быстро успокоился. Вроде новую себе пессию нашёл, его жизнью и не интересовались особо.

— Понятно. — Я сделала пометки в блокнот и протянула его Николаю: — Напишите, пожалуйста, адрес и телефон Наташи. Необходимо проверить, не забрала ли она Машу после праздника.

— Да оставьте! — Николай рубанул ребром ладони. — Она чуть не со вчерашнего вечера в загуле. Я ей когда звонил — уже у неё язык заплетался. В таком состоянии она даже до

магазина с трудом доходит, не то что смогла бы примчаться на другой конец города. Зачем ей это? Наташа про Машеньку и не вспоминает сама.

— И всё-таки я настаиваю. — Натянув на лицо профессиональную улыбку, продолжила подпихивать блокнот. В следствии не всегда побеждала логика, поскольку люди способны на многие импульсивные поступки.

Николай ещё поотпирался, но, поняв, что меня не переупрямишь, крупными округлыми буквами оставил заветную запись.

— Ядвига Олеговна, прошу прощения... — Директор вернулась, цокая каблуками и отводя взгляд. — Сестра не даёт добро. Сказала, Ермоша слишком переутомился, у него эмоциональный перегруз. Ваш визит, скорее всего, будет встречен истерикой. Увы, я знаю, как сильно его может накрывать и как трудно привести обратно в чувства. Он и так живёт на таблетках, так что...

— Я поняла.

— Извините, я правда пыталась! Но... — На щеках женщины вспыхнули алые пятна. — Ермоша — трудный ребёнок, пожизненный инвалид, и...

— Екатерина, — смягчила тон, — не нужно оправдываться. Мы обязательно найдём другой выход.

Та в ответ слабо улыбнулась и перестала стискивать смартфон до побелевших костяшек.

— Простите, а я могу уже идти домой? — робко подал голос фотограф.

— А вот и он!

— Кто он? — Сергей выпучил глаза и обернулся через плечо.

— Выход, — спокойно резюмировала и смирив фотографа взглядом, отчего тот поёжился. — Нет, Сергей, я попрошу вас ещё задержаться, а вы, Екатерина, просмотрите кадры и скажите, нет ли где незнакомых взрослых. Как директор вы наверняка знаете всех подчиненных в лицо.

— Да, конечно. — Екатерина серьёзно кивнула, а Сергей сокрушенно вновь подал фотоаппарат.

— Только там батарейка садится, уже одна палочка осталась...

— Думаю, Екатерина справится быстро. — Подбадривающе улыбнулась, помня о супер-способности педагогов сканировать большое скопление людей. Во время праздника хватало фоновых дел, но сейчас-то директор максимально сосредоточена на задаче, нужно лишь подождать.

— А вы и правда не безнадёжны, невестка.

Я чуть не скривилась от этого замечания. Уже и забыла, что дражайшая свекровь никуда не делась, просто на время ушла в переписку с подругами и бывшими коллегами. А сейчас вынырнула в реальность.

— Мне дали звание капитана не за боевое ранение, Лидия Степановна, — сухо отозвалась я.

— Ах, ну да, ты же на работе с утра до ночи пропадаешь, несмотря на «культяпку». Могла бы уже на пенсию выйти, с внуками бы нянчилась, Лёше больше бы внимания уделяла. Но нет, у тебя же амбиции!

— Может, вам такси до дома вызвать? О Лёше позаботитесь, — передразнила, даже не скрываясь. — Он наверняка волнуется, соскучился по вам. Наговоритесь, всё обсудите... Вам-то зачем себя праздника лишать, раз я тут застряла на неопределённый срок?

— Ну уж нет, невестка. — Свекровь ядовито улыбнулась и приосанилась. — Такое приключение я пропустить не могу. Соседкам хвастаться буду. Правнукам рассказывать!

Я чуть не застонала и еле сдержала желание побиться лбом о стену. Ну за что мне это? Ладно бы свекровь хоть один дельный совет подкинула, ладно бы что-то путное сказала. А так что, будет мне всю дорогу на мозги капать? Я ж не выдержу!

— По закону Российской Федерации следствием может заниматься только следователь без вмешательства посторонних лиц.

— Невестка, ты белены объелась? Какое я такое постороннее лицо?

Предсказуемая реакция... Но я хотя бы попыталась.

— Вот, нашла! — Екатерина приближалась к нам. — Эту женщину я ни разу не видела, на празднике тоже не припомню... Хорошо, что в объектив попала.

— Давайте скорее! — Протянула я руки к фотоаппарату, но стоило тому оказаться у меня в руках, как экран три раза вспыхнул, и погас. Взгляд зацепил только размытые зелёно-жёлтые пятна. Ну что за невезение. — Сергей, а запасного аккумулятора у вас нету?

— Увы, я предупреждал. — Тот развёл руками. — Второй праздник за день, под ноль все запасные высадил. Теперь только до дома.

— А дом далеко? — спросила без особой надежды.

— Отсюда минут двадцать, плюс ещё подождать, пока подзарядится. На это минут десять-пятнадцать надо.

— Так чего вы ждёте? Едем скорее!

— То задержаться, то чего ждёте... Женщины! — сокрушённо бурчал под нос фотограф, уже направляясь к выходу.

То-то же. Пока не прикрикнешь, никто шевелиться и не начнёт.

— Извините, уважаемая, — Николай деликатно кашлянул в кулак, — а нам что делать?

— Тоже ехать, — резюмировала, не долго думая. — В конце концов, пропала именно ваша внучка.

Свекровь уже и сама спускалась по лестнице. А мне, как ни крути и ни подбадривай остальных, ещё требовалось подготовиться к этой экзекуции...

Десять часов до Нового года

Внизу я поняла просчёт с бравыми ребятами, которых отправила по поручению раньше времени. Уазик бы сейчас здорово пригодился... У фотографа тоже оказалась машина, но ехать на жигулях вшестером — это не столько даже нарушение правил, сколько просто смертоубийство. Пару минут ушло на сделку с совестью: директор нужна была для указания на подозреваемую, пожилая пара для опознания, а я для дальнейшего расследования. Зато появился отличный повод избавиться от свекрови.

— Лидия Степановна, Лёша за вами приедет, не переживайте. Я ему позвонила, он собирается и приедет как можно скорее.

— А почему нам не подождать его вместе? Там тебе всяко удобнее будет, невестка. — Свекровь недвусмысленно покосилась на мою многострадальную ступню.

Знала, куда метить... В нашей машине и ногу можно вытянуть, и сиденья шире и мягче, и в целом просторнее. Но я прежде всего профессионал.

— Мы не можем терять ни минуты, подвергая жизнь девочки опасности, поэтому трогаемся уже сейчас. — Распахнув дверцу жигулей, обернулась, окидывая взглядом одинокую фигуру женщины в модной каштановой шубке и мохнатой шапке на фоне серой советской громады. — Не стойте на морозе, мама.

— Уж как-нибудь сама решу. — Она фыркнула и скривила губы, и в глазах будто что-то мелькнуло или блеснуло... У меня правда не осталось времени разбираться с её обидами, чаяниями или претензиями. Хотя на душе всё равно скребли кошки. Ненавижу это чувство!

— Трогайте! — Хлопнула я дверцей и отдала короткий понятный приказ.

Дело, у меня есть важное дело. А о том, что попросила мужа занять свекровь разговорами и всеми правдами-неправдами отвезти домой, старательно не вспоминала. В конце концов, так будет лучше для всех. И сэкономит мне нервные клетки.

Через полчаса дружной гурьбой мы оккупировали кухню Сергея, который извинился за беспорядок, ткнул в чайник и пошёл разбираться с аккумуляторами для фотоаппарата.

Жилище его оказалось типичной берлогой холостяка — однокомнатная квартирка с полами второй свежести и полным отсутствием милых безделушек. Зато в ванной — полная стерильность и всё для проявления фотографий: ванночки, лампы, щипцы... На проволоке сушились фото девочек на фоне зимних пейзажей. Что-то мне это напоминало, но на ум упорно лезли только советские открытки.

Никто особо не знал, о чём говорить. О празднике не хотелось, на отвлечённые темы тоже. Каждый беспокоился за Машу. Как она, где она, не мёрзнет ли, не голодает ли? Худшие варианты старательно отменялись. В мире хватало извращенцев, но сейчас мороз, пожалуй, казался страшнее.

С мыслями об особо лютой зиме я изучала холодильник, на котором красовались магниты внезапно с «Комиссаром Рексом» и список продуктов. Список относился то ли к тому, что надо купить, то ли к тому, что уже есть внутри, но в любом случае большую его часть составляли полуфабрикаты. Сюда бы дородную хозяйку, вдову или разведёнку, быстро в порядок всё приведёт. Я даже знала пару подходящих кандидатур из народного театра.

Ой, Ядвига, только свахой тебе быть и не хватало... Хотя опыт точно получится незабываемый.

Наконец, на кухню зашёл хозяин квартиры, и все одновременно встrepенулись, будто Деда Мороза увидели.

— Готово. Подсоединил фотоаппарат к ноутбуку. Сможете на большом экране посмотреть. Только заново найти фото придётся...

— Без проблем. — Екатерина поправила очки, показывая боеготовность. Уважаю.

Сергей метнулся за техникой и пристроил прямо на кухонном столе. Екатерина шустро прокрутила колёсико мыши вниз, пара щёлчков — и на экране появилась фотография зрительного зала. В основном ряды заполняли воспитанники центра, но с десяток взрослых тоже имелось. Преимущественно женщины, и лишь один мужчина, охранник. Как это типично для образовательных организаций...

Директор увеличила одну из женщин, и тут бабушка Маши вскрикнула.

— Наташа!

Я тоже встрепенулась. Сошлось! Самое первое предположение даже по статистике оказывалось самым верным. Это всякие сериалы запаривали людям мозг и выстраивали невозможно сложные связи. Сейчас поедem по добытому адресу и...

— Лет десять назад, — вдруг добавил дед с какой-то грустной задумчивостью.

— Что вы хотите этим сказать?

— Так наша дочь выглядела, ещё когда в институте училась и даже не думала становиться матерью. Блеск в глазах, румянец на щеках и светлое будущее впереди... — Николай пожевал губу, наверняка вспоминая те далёкие дни, когда он мог гордиться дочерью. — Уже через два года она сильно изменится, похудеет, круги под глазами появятся и вечная настороженность, зашуганность.

— Бедная наша девочка! — Ирина вдруг бухнулась на колени и возвела руки к небу. — Не ведает, что творит! Да смилюстивится над ней Господь!..

— Ирина, перестань. — Николай дёрнул жену за руку. — В храме своём падать ниц будешь. А тут чужая кухня, вокруг люди... Не позорься.

— Согрешили мы пред Господом, Никоша, ой как согрелили, — Ирина мотала головой, не поддаваясь на уговоры встать, и из глаз её лились неподдельные слёзы. — Когда иконы плакатами комсомольскими клеивали да в храмах кино смотрели, по могилам маршировали! Вот и наказал нас Господь, искупления требует...

— Да это когда было. Глупости всё. — Николай насупил брови, и чувствовалось, что это не первый их подобный диалог. Даже странно, что только сейчас «рвануло». Николай явно был далёк от религии, но позволял любимой жене эту «блажь». — А вот за дочкой не уследили, факт. Ведь почти договорились с Прокофьевыми, что с их сыном обручится. Потомственный кардиолог, начитанный, гроссмейстер. Но нет! Дали ненужную свободу, чтобы сама себе выбрала спутника жизни. По любви! — как она уверяла. Теперь расплачиваемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.